

Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века.

В современных российских политических дискуссиях проблемы государственного строительства на федеративных началах имеют особую актуальность. Россия оказалась единственным федеративным государством из числа образовавшихся после распада СССР. В других государствах (Украина, Грузия, Азербайджан, Молдова) автономии не стали субъектами, формирующими государственность и рассматриваются в контексте национальных меньшинств,^[i] что в трех последних случаях обусловило переход скрытой конфликтогенности в открытую. Большинство отечественных политиков и ученых сходятся во мнении, что федерация – лучшее из возможных государственных устройств полиэтничного пространства. ^[ii] При этом в понятие «федеративное государство» вкладывается различный смысл.^[iii] Стремясь к постижению принципов построения федеративного государства, исследователи обращаются прежде всего к зарубежному опыту^[iv]. Однако, опыт Российской империи также не следует недооценивать. В частности, изучение российско-финляндских отношений позволяет нам поставить вопрос о существовании отдельных элементов федерализма в рамках Российской империи.

На протяжении более чем столетнего периода пребывания Финляндии в составе Российского государства проблемы юридического положения Великого княжества в империи с различной степенью интенсивности будоражили общественно-политическую мысль Петербурга и Гельсингфорса. Целью настоящей статьи является исследование эволюции представлений о государственно-правовом статусе Финляндии, господствовавших среди правящей и интеллектуальной элит империи и Великого княжества в течение XIX века.

Рождение финляндской автономии.

Присоединение Финляндии к России являлось следствием политики великих держав. По итогам заключенного в 1807 г. между Россией и Францией Тильзитского мира Россия брала на себя обязательство оказать давление на Швецию с целью вынудить ее присоединиться к континентальной блокаде Англии.^[v] Эта политика санкций привела через год к российско-шведской войне, в ходе которой территория Финляндии была завоевана российскими войсками. По Фридрихсгамскому мирному договору 1809 г. Швеция отказалась от своей восточной провинции в пользу России. При этом следует заметить, что часть финляндского общества была духовно готова к смене государства-покровителя.^[vi] В ходе успешных войн со Швецией Россия дважды в XVIII веке занимала территорию Финляндии. Это способствовало возникновению среди финляндской элиты представления о том, что Швеция больше не в состоянии обеспечить безопасность своей отдаленной восточной провинции.^[vii] Растущее давление со стороны Стокгольма, изматывающие Финляндию войны Швеции с Россией способствовали росту регионального самосознания финляндцев, направленного против шведской

короны. Отдельные финляндские дворяне обратили свой взор на Петербург. В качестве примера можно привести деятельность Г.М.Спернгатпорта, который с 1786 г. находился на русской службе и разрабатывал проекты финляндской автономии под российским протекторатом. Во время очередной затаенной Швецией войне против России в 1788 г. сложился союз дружественно настроенных к России офицеров (Аньяльская конфедерация), который разрабатывал аналогичные планы.^[viii] Таким образом, в Финляндии российское правительство могло с самого начала рассчитывать на поддержку части местной элиты.

Финляндская политика Александра I в значительной мере определялась военно-стратегическими соображениями и расчетами. Тень Наполеона витала над происходившими в Европе событиями. Его отношения с Александром I стремительно ухудшались. России было важно обеспечить безопасность Петербурга от возможного наполеоновского вторжения. Среди правящих кругов России также существовала уверенность в наличии сильных реваншистских настроений в Швеции, которые находили поддержку среди шведоязычного населения княжества. Обстоятельства требовали от российской власти быстрого упрочения своих позиций на присоединенной территории. Эта задача не могла быть решена лишь методами военного принуждения. Необходимо было проведение такого политического курса, который нейтрализовал бы существующее в Финляндии недоверие к российскому правлению, исключил бы превращение Финляндии в очаг сепаратизма и в конечном итоге обеспечил бы безопасность северо-западных границ в условиях приближавшегося столкновения с Францией.^[ix] В ходе решения указанных задач родилась финляндская автономия.^[x]

Разработка политического курса Александра I в отношении Финляндии тесно связана с именем М.М.Сперанского. В конце 1808 г. ему были переданы финляндские дела, изъятые из компетенции общерусских учреждений. По мнению российского историка В.А. Корнилова, Сперанскому принадлежит ведущая роль не только в разработке отдельных государственных актов, касающихся Финляндии, но и в определении общего направления политики российского правительства. Он прекрасно понимал, что Финляндия по уровню общественного развития стояла выше, чем любая из русских губерний. В России еще господствовали крепостнические отношения, тогда как в Финляндии крепостного права не было и финляндское крестьянство, равно как и городское бюргерство представляли собой довольно активную политическую силу.^[xi] Поэтому успешная политика России на завоеванной территории была возможна лишь при условии, что население княжества получило бы не меньше, а больше прав и привилегий, чем оно имело при шведском господстве.

В марте 1809 г., еще до заключения Фридрихсгамского мирного договора со Швецией, Александр I созвал в Борго (Порвоо) собрание представителей четырех сословий Финляндии. Император дал торжественное обещание не нарушать религии, коренных законов, прав и преимуществ, которыми пользовались подданные княжества «по конституциям».^[xii] Под «конституциями» понимались действовавшие в Финляндии до русского завоевания шведские законы «Форма правления» от 21 августа 1772 г. и «Акт соединения и безопасности» от 21 февраля и 3 апреля 1789 г.^[xiii]

Российский император, имевший в Финляндии титул Великого князя, произнес свою речь по-французски. Текст мартовской Грамоты был составлен в общих выражениях, что давало возможность двусмысленного толкования ряда положений. Спустя десятилетия документы Боргоского собрания сословий станут одним из главных предметов дебатов между Финляндией и Россией относительно правовых основ вхождения Финляндии в состав Российской империи.[\[xiv\]](#) Политические страсти разгорятся вокруг вопроса о том, каков реальный государственно-правовой статус Финляндии в составе России: является ли Финляндия особым государством, соединенным с империей лишь фигурой Великого князя, или же княжество не более чем инкорпорированная в состав империи провинция? [\[xv\]](#)

В 1809 г. не было издано документа, четко определявшего положение Финляндии в составе России. Однако конкретные практические шаги российской власти в Финляндии шли в русле автономного статуса Финляндии.

В политической структуре княжества российская администрация позволила применить принцип разделения властей, правда, этот принцип не был выдержан до конца. Финляндия получила свой законодательный орган – сейм. Без одобрения сейма Великий князь не мог вводить в княжестве свои законы и налоги. После этого российские государи не созывали сейм более полувека, что, однако, не нарушало финляндских законов, поскольку созыв сейма являлся прерогативой государя.[\[xvi\]](#) По Сеймовому уставу 1869 г. была законодательно установлена периодичность созыва сейма не реже чем раз в пять лет, но уже с 1882 г. сейм стал фактически созываться каждые три года.[\[xvii\]](#) Реформа Сеймового устава укрепила позиции местной элиты и создала преграды на пути безграничной власти российского императора в княжестве.

Финляндия имела и собственную исполнительную власть – Правительственный Совет, который в 1816 г. переименовали в Императорский финляндский Сенат[\[xviii\]](#), независимый во внутренних делах от Петербурга. Он состоял из двух департаментов: юридического и экономического. Формально председателем Сената являлся представитель России – генерал-губернатор. Однако его присутствие на заседаниях финляндского правительства было необязательным. Заседания велись на шведском языке, которого российские генерал-губернаторы не знали. К тому же они не имели права приостанавливать решения Сената. Генерал-губернаторы настолько далеко отстояли от высшего административного учреждения края, что часто узнавали о ходе его работы из газет.[\[xix\]](#)

Сложнее обстояло дело с судебной властью. Согласно «Плану общего управления Финляндии», верховным судебным органом был определен Правительственный Совет (позднее, Сенат), но наряду с этим сохранились и старые финляндские суды - гофтерихты.[\[xx\]](#)

Александр I считал необходимым, чтобы финляндские дела докладывались ему напрямую, минуя российские министерства. Для этого была учреждена Комиссия по финляндским делам в Петербурге, реорганизованная позднее в Комитет по финляндским делам. В 1826 г. Комитет упразднили, образовав вместо него Статс-секретариат Великого княжества Финляндского во главе с

министром статс-секретарем.[\[xxi\]](#) Эту должность занимали финляндцы. Таким образом, по меткому выражению автора дореволюционной «Истории Финляндии» М.М. Бородин, «Россия целое столетие предпочитала смотреть на финляндские дела через финляндские очки».[\[xxii\]](#)

Российская центральная власть долгое время относилась к внутреннему развитию своего нового территориального приобретения достаточно безразлично. К примеру, финляндский генерал-губернатор А.А.Закревский с 1828 г. совмещал должность министра внутренних дел. В 1831 г. генерал-губернатором назначили князя А.С. Меншикова, который управлял одновременно морским министерством и жил все время в российской столице, изредка навещая Гельсингфорс.[\[xxiii\]](#) В подобных условиях автономия Великого княжества имела прочную тенденцию к расширению.

Финляндия обладала собственным гражданством, не совпадающим с российским подданством. Финляндским подданным был открыт широкий и свободный доступ к службе на самых ответственных государственных и военных постах империи, в то время как русские подданные не получили в Финляндии одинаковых с местными жителями прав. Православный не мог преподавать историю, приобретение в княжестве русскими недвижимого имущества имело серьезные ограничения, практика русского врага в Финляндии была ограничена[\[xxiv\]](#). Автономный статус Финляндии проявился также в собственной системе управления с исключительно финляндским чиновным аппаратом. Российское армейское устройство не распространялось на княжество, которое было освобождено от поставки рекрутов на воинскую службу и могло с 1878 г. иметь собственную, численно небольшую армию. Эта армия стала символом особого статуса Финляндии в составе империи.

В Финляндии имелись и другие атрибуты внутренней самостоятельности: свое национальное почтовое ведомство, выпускавшее финские почтовые марки, железнодорожная система с колеями, отличными от российских; наличие таможенной границы, причем, княжество получило право беспошлинной торговли с Россией, в то время как российские товары облагались пошлиной; собственный банк, принимаемый сеймом бюджет и своя финансовая система. Денежные средства княжество могло хранить в зарубежных банках. Общими у Финляндии и империи оставались лишь глава государства - царь, он же Великий князь Финляндии, внешнеполитическое ведомство, и центральной власти также были делегированы полномочия по стратегической обороне княжества.[\[xxv\]](#)

Анализ политической жизни Великого княжества и механизмов его взаимодействия с имперским центром позволяет сделать вывод о том, что отношения России и Финляндии, с известной долей модернизма, вероятно, можно назвать федеративными.[\[xxvi\]](#) Это определение иногда применяли к российско-финляндским отношениям и современники, правда, с негативным оттенком. Известны слова одного из идеологов контрреформ М.Каткова, который считал, что «даже злейшему врагу не придумать для России худшей доли, чем распространение примера Финляндии, ибо политическому чувству русского народа не может быть ничего противнее федерализма. Одна мысль об этом вызывает боль».[\[xxvii\]](#) Следует заметить, что термин «федерализм» мы используем в расширительном смысле этого слова, понимая под ним не форму государственного устройства, а

«**принцип** государственного строительства, в соответствие с которым отдельные части государства в отношении к государству в целом имеют более или менее значительное самоуправление».[xxviii] С этой точки зрения элементы федерализма могут быть и в империи (так называемый «имперский федерализм»). При этом Великое княжество Финляндское имело в составе империи больше прав и полномочий, чем любой известный субъект Российской Федерации.

Формирование теории особого государства

Несмотря на то, что государственно-правовой статус княжества не был документально оформлен, а у финляндской автономии отсутствовали юридические гарантии, население и правящая элита княжества были довольны де-факто гарантированной русскими царями автономией.[xxix] Добавим к этому фактор территориального расширения Финляндии. Указом Александра I от 31 декабря 1811 г. Выборгская губерния (территории так называемой Старой Финляндии, отошедшая к России в 1721 и 1743 гг.) была объединена с Великим княжеством.[xxx] Имперский федерализм, выразившийся в предоставлении Финляндии широкого самоуправления, кооперация с местной элитой, толерантность в вопросах веры и территориальные уступки обеспечили на протяжении практически столетия верноподданность финляндцев по отношению к российскому самодержавию.

Вопрос о государственно-правовом статусе Финляндии внутри империи, как показывают работы финского историка О.Юссила, не был значимым для финляндского общества вплоть до 80-х гг. XIX в. Представления о понятии «государство» в княжестве являлись довольно расплывчатыми. В начале XIX в. в финском языке еще не было термина “государство”(valtio) в современном смысле этого слова. Существовало понятие “valtakunta”- держава, которое не особенно согласовывалось с положением Финляндии. Обычно употребляли шведское слово «Stat”, которое переводили и как «государство», и как «провинция, область» (maanraikka или maankunta).[xxxi]

Понятия «государство» и «провинция» не были взаимоисключающими. Считалось, что провинции бывают двоякого рода: те, которые имеют собственную армию и управление и те, которые этого не имеют. В первом случае речь шла о «государстве», во втором – о рядовой «провинции» империи. В любом случае, финляндцы не отделяли свое «государство» от Российской империи. Существовало представление, что Россия - это империя, которая включает в себя многие „государства“, а Финляндия – одно из этих „государств“.[xxxii]

В первой половине XIX века наиболее полный вариант учения о финляндском государстве представил профессор Израэль Вассер, возглавлявший с 1817 по 1829 г. кафедру медицины в университете Або (Турку) . Вассер был поклонником договорной теории происхождения государства. В 1838 г. он издал в Стокгольме брошюру, где впервые назвал княжество особым государством с представительной формой правления. [xxxiii] Согласно его взглядам, на Боргоском сейме финляндцы освободились от власти Швеции, заключив с российским императором сепаратный мир (договор), по которому Финляндия превратилась из шведской провинции в конституционно управляемое государство. Поскольку новое государство признало своим правителем российского самодержца,

постольку оно ограничило свою внешнюю самостоятельность и не может считаться членом европейского сообщества государств.[\[xxxiv\]](#)

Учение о финляндском государстве встретило возражения со стороны приват-доцента этого же университета А.И. Арвидссона, который был вынужден в 1823 г. эмигрировать в Швецию. В ответной брошюре Арвидссон под псевдонимом «Пекка Куохаринен» отрицал самостоятельность Финляндии и категорически заявлял, что «Финляндия шаг за шагом была превращена в русскую провинцию и навсегда соединена с господствующим государством».[\[xxxv\]](#) Между печатавшимся под псевдонимом Арвидссоном и Вассером разгорелась полемика. Авторы отвечали друг другу памфлетами, которые хотя и издавались в Стокгольме, но распространялись в Финляндии и привлекли к себе определенное внимание. Полемика длилась около трех лет. Наконец, Арвидссон перешел на сторону Вассера, выступив в 1841 г. под новым псевдонимом «Олли Кекеляйнен». «Олли Кекеляйнен» утверждал, что хотя Финляндия еще не есть самостоятельное государство, но она должна стать таковым. При этом он отмечал, что «господствующему государству нет оснований бояться национальных стремлений финнов, т.к. на свете нет народа более преданного своим властям».[\[xxxvi\]](#) «Памфлетная война» между Арвидссоном и Вассером являлась не более чем фикцией, хитроумным планом для популяризации теории особого финляндского государства. Арвидссон сам признал, что вся эта полемика означала лишь «хитрый боевой прием, имевший целью заронить и укрепить в сознании финских слоев мысль о самостоятельном финляндском государстве».[\[xxxvii\]](#) Позднее философ и правовед Й.Я. Нордстрём внес одну существенную поправку в указанную теорию, а именно тезис о том, что Финляндия являлась автономным государством, находившимся в реальной унии с Россией. [\[xxxviii\]](#)

Долгое время учение Вассера о Финляндском государстве современники воспринимали как чистую фантазию. Еще в опубликованной в 1882 г. книге историк Роберт Кастрен отмечал, что между княжеством как особым государством или княжеством как провинцией империи не делали особых различий.[\[xxxix\]](#)

Как заметил по этому поводу финский историк О.Юссила, гораздо важнее вопроса: государство ли Финляндия или провинция империи? - правящая элита княжества считала заботу о гарантиях законов и правового положения в том объеме, который она имела.[\[xl\]](#) Финляндия вошла в состав империи с самодержавной формой правления, поэтому каждый раз при вступлении на престол очередного наследника подсознательно у финской элиты существовали определенные опасения насчет намерений российской власти в княжестве.

Ситуация изменилась во второй половине 1880-х гг. Расширение автономии княжества происходило в тот момент, когда в России получили распространение различные националистические идеологии. Вслед за Польшей, политика русификации начала осуществляться в Прибалтике. Финляндия, оставаясь последним островком внутренней самостоятельности, все больше выпадала из общей картины стремившегося к гомогенности государства.

В 1881 г. генерал-губернатором Финляндии был назначен граф Ф.Л.Гейден. Он столкнулся с

тем, что многие вопросы, касающиеся империи, в княжестве не решались. Гейдену обычно отвечали, что то или иное мероприятие противоречит «основным законам княжества». Тогда генерал-губернатор попросил принести эти «основные законы». Ему принесли старые шведские законы 1772 и 1789 гг. Из-за незнания шведского языка Гейден прочесть их не смог, но из пересказа понял, что шведские законы не могли быть в полном объеме применимы в Финляндии. По этим законам глава государства должен был исповедовать лютеранскую веру (п.1), не мог без согласия сейма выезжать за пределы Финляндии (п.7), не имел права назначить в княжество генерал-губернатора (п.33).[xli] Многие положения шведских законов вошли в явное противоречие с реальной практикой управления Финляндией.

Чтобы разобраться в вопросе об их применимости, в 1882 г. была учреждена специальная комиссия для кодификации местных законов. Но работа не была завершена.[xlii] Возник спор о полномочиях местной и центральной власти в Финляндии. Финляндцы ощущали приближение суровых перемен и стремились защитить автономное положение Финляндии, юридически обосновав ее государственно-правовой статус.

В 1886 г. вышла в свет работа финляндского профессора права и политического деятеля Лео Мехелина, который пытался с помощью юридических категорий доказать, что Финляндия является особым государством, а не провинцией Российской империи.[xliii] В понятии «государство» он акцентировал внимание на таком ключевом его признаке, как суверенитет. Государство должно быть суверенным. Суверенитет, по Мехелину, есть право организовать без иностранного вмешательства свою внутреннюю жизнь, учредить форму правления, иметь собственные законы. Так как у Великого княжества налицо имелись все перечисленные признаки то, согласно автору, Финляндия являлась государством, а не провинцией Российской империи.[xliv] Вместе с тем финляндский юрист считал Финляндию *особым государством*. Суверенитет, с точки зрения автора, бывает двух видов: «государственно-правовой» или «внутренний» и «международно-правовой» или «внешний». Финляндия имела только «внутренний» или «государственно-правовой суверенитет». Он советовал правящей элите княжества приложить все усилия для сохранения этого положения.[xlv]

Мехелин не использовал архивных документов. Представление о Финляндском государстве родилось у него во многом априорно, и доказательства его теории были далеко не безупречными, вероятно, даже излишне надуманными. Значение работы Л.Мехелина заключалось в том, что это было первое опубликованное изложение конституционных прав Финляндии в том виде, в каком они представлялись финляндской элите в конце XIX в. Произведение Л.Мехелина было замечено и в Европе, где впервые заговорили о финляндской государственности и открыли для себя эту маленькую страну. [xlvi]

Однако наибольший резонанс работа Л.Мехелина получила в России. На русский язык ее перевел гофмейстер императорского двора К.Ф. Ордин. Название перевода носило явно провокационный характер: «Финская конституция в изложении местного сенатора Л.Мехелина».[xlvii] Известно, что со времен восстания декабристов понятие «конституция» воспринималось в правящих

кругах России крайне негативно.

Работа Л.Мехелина вызвала в консервативных кругах Петербурга явное негодование. Позднее в Финляндии сложилось мнение, согласно которому это произведение сыграло роль поворотного пункта во взаимоотношениях с Россией, после которого началось наступление российского самодержавия на автономные права финляндцев. Так, историк и политический деятель Е.Г.Пальмен утверждал, что Л.Мехелин «бросил камень, который разбудил всю Россию». [\[xlviii\]](#)

Действительно, в империи было предпринято контрнаступление: с развернутой критикой теории особого государства выступили выражавшие официальную точку зрения К.Ф.Ордин и генерал М.М. Бородин. В своих объемистых произведениях они взялись доказать, что Финляндия никогда не была государством. Это завоеванная русским оружием территория. Император являлся самодержцем и в Финляндии. Поэтому положение Финляндии зависело лишь от воли российских самодержцев. [\[xlix\]](#) Однако было бы преувеличением считать выход одной книги причиной изменения финляндского курса самодержавия.

Вероятно, Л.Мехелин не предполагал, что своим произведением вызовет возмущение в консервативных российских кругах. Работа была в основном нацелена на общественное мнение Европы для того, чтобы создать там благоприятный для Финляндии имидж островка с европейскими политическими традициями в море российского абсолютизма. Исследование Мехелина не являлось чем-то необычным для того времени. Национальное пробуждение в XIX в. было характерно для многих малых европейских народов, которые пристально всматривались в свою историю, пытались обосновать необходимость собственной государственности. К примеру, в Венгрии юристы и ученые подобным Мехелину образом развивали учение о Венгерском государстве.

Российские и финляндские юристы о государственно-правовом статусе Финляндии.

Произведение Л.Мехелина стимулировало полемику в российском и финляндском обществе вокруг так называемого «финляндского вопроса». Сам термин «финляндский вопрос» начал входить в постоянное употребление с середины 80-х гг. XIX в. [\[i\]](#) Стержнем «финляндского вопроса» являлась проблема государственно-правового статуса Финляндии. Этот вопрос был принципиально важным, ибо конец XIX в. ознаменовался постепенным наступлением самодержавия на привилегии западных регионов империи.

Тон дискуссии задавали юристы. Финляндские знатоки государственного права Л.Мехелин, Р.Германсон, Ю.Вуолле-Апиала с отдельными нюансами отстаивали теорию особого конституционного государства, находящегося в реальной унии (союзе) с Россией, персонифицированной фигурой императора и Великого князя Финляндии. [\[ii\]](#) Это положение они доказывали, ссылаясь, в частности, на статью четвертую Основных законов Российской империи, где говорилось, что «с Императорским Всероссийским престолом нераздельны суть престолы Царства Польского и Великого княжества Финляндского». [\[iii\]](#) Раз существует особый, хотя и нераздельный престол, значит, существует и особое государство. Ю. Вуолле-Апиала и Р.Германсон называли

Финляндию полусуверенным государством, т.к. у княжества отсутствовал суверенитет в международно-правовом смысле этого слова.^[liii]

Что касается российской юридической мысли, то здесь отчетливо прослеживается выделение двух группировок: защитников и противников теории особого государства. Большинство представителей первого направления соглашались с аргументами финляндских юристов. Подобной точки зрения придерживались известный российский юрист Б.Н.Чичерин, профессор Санкт-Петербургского университета В.И.Сергеевич, профессор Казанского университета В.В.Ивановский и др.^[liv] К примеру, в труде «О народном представительстве» Б.Н. Чичерин утверждал, что Финляндия – есть «особое государство, неразрывно связанное с Россией, но не входящее в ее состав. Она, как и Польша до 1863 г. не инкорпорирована в Россию, а только соединена с нею под одним скипетром».^[lv] Сохранение национальной самостоятельности, по Б.Н. Чичерину, являлось залогом верноподданности финляндского народа российским монархам. Выдающийся русский юрист не раз приводил пример Финляндии в качестве иллюстрации благоразумной политики российских императоров.

В пользу своей точки зрения сторонники теории особого государства выдвигали следующие аргументы: во-первых, в Финляндии существовали свой законодательный орган и особое законодательство. Финляндия не входила в число административных районов империи; во-вторых, она имела свою денежную систему, налоги, не поступавшие в государственное казначейство империи, свой бюджет, правительственные и судебные учреждения. Решения финляндских судов в империи исполнялись по такой же процедуре, как решения судов иностранных государств. Контроль русского сената не протирался на Финляндию; наконец, Финляндия имела собственную таможенную систему.^[lvi] В своих рассуждениях приверженцы первого направления ссылались на конкретную практику российско-финляндских взаимоотношений.

Представители второго направления являлись в основном сторонниками принципа «единой и неделимой России». Поэтому они рассматривали Финляндию как нераздельную часть Российской империи, инкорпорированную в состав империи провинцию.^[lvii] Подобного взгляда придерживались известные специалисты-правоведы, профессора Н.Таганцев, Н.Коркунов, Э.Берендтс, В.Даневский, Ф.Мартенс, А.С.Алексеев и др.^[lviii] К примеру, профессор уголовного права Н.Таганцев в одной из своих статей отмечал, что «в 1809 г. совершилось не соединение двух самостоятельных государств, а присоединение завоеванной русским оружием Финляндии... Само подтверждение прежних законов русскими государями не имеет абсолютного значения, это не исключает возможности их отмены, когда изменившиеся исторические условия сделают их неприложимыми или крайне вредными».^[lix] В целом, основные аргументы сторонников теории инкорпорированной провинции сводились к следующему: во-первых, Финляндия до завоевания не была самостоятельным государством и не пользовалась автономией; во-вторых, обещания Александра I сохранить в княжестве местные законы и учреждения не носило характер договорного соглашения двух государств об установлении унии между ними. Это одностороннее волеизъявление монарха, которое его потомки в силах отменить. Реальная уния базируется на договоре международного характера и возможна между независимыми государствами; в-третьих, у финляндцев не было собственной финляндской конституции, т.к. они

являлись подданными Швеции; [x] наконец, противники теории особого государства ссылались на опыт Канады и Исландии, имевших широкую внутреннюю автономию, но не считавших себя государствами.[xi] Сторонники второго направления также не жаловали императора Александра I, обвиняя его в политической близорукости и неосторожности сделанных им заявлений в период присоединения Финляндии к России. Утверждая, что Финляндия является провинцией Российской империи, они тем не менее не отрицали наличие у княжества автономных прав, однако считали, что эта система больше не отвечает интересам России и поставили вопрос о распространении на Финляндию общегосударственного законодательства.

Особое совещание Н.Х.Бунге и вопрос об общеимперском законодательстве.

В начале 90-х гг. вопрос о юридическом положении Финляндии вышел за границы академических и публицистических дебатов. Превратившись в политическую проблему, он перешел уже в сферу практической деятельности. В 1890 г. так называемый „почтовый манифест“ упразднил самостоятельность финляндского почтового ведомства, которое подчинили российскому Главному управлению почт и телеграфов. С 1891 г. министрам империи было дано право решать дела, до тех пор подлежащие компетенции министра статс-секретаря Финляндии.[xii] Однако проведение этих законов не довели до конца. В Финляндии, например, по-прежнему использовали свои финляндские почтовые марки.[xiii]

В российском наступлении на финляндские привилегии отсутствовала юридическая основа, которая могла бы придать актам царского правительства необходимую „законную силу“. Впервые вопрос об общем законодательстве для империи и Великого княжества был поставлен Особым совещанием под председательством известного русского экономиста, главы комитета министров Н.Х.Бунге.[xiv] Оно было созвано 1 декабря 1891 г. по распоряжению Александра III. для решения вопроса о кодификации основных законов Великого княжества Финляндского.[xv] Вероятно, следует согласиться с мнением эстонского историка У.В. Тейстре, согласно которому царское правительство с помощью кодификации законов пыталось решить вопрос о финляндской автономии, перевести правовые отношения на такую основу, которая позволила бы придать ликвидации особого положения Финляндии вполне «законный» вид.[xvi] Действительно, на практике работа совещания свелась к двум вопросам: процедуре распространения общегосударственного законодательства на Финляндию и определению перечня вопросов, передаваемых в компетенцию центральной власти.

Основной смысл Особого совещания сводился к тому, чтобы постепенно унифицировать управление Финляндии с общеимперским. Это должно было произойти на основе проекта финляндского генерал-губернатора Ф.Гейдена, предлагавшего меры по укреплению имперской власти в княжестве путем ликвидации различий между местными и общероссийскими формами управления.[xvii]

В работе совещания участвовали представители финляндской правящей элиты, которые оказались в меньшинстве и свою тактику защиты строили на апелляции к высочайшей воле российского государя. Больше всего их волновало то, чтобы финляндские представители власти по-

прежнему смогли передавать дела по управлению Финляндии лично царю, а не его министрам.^[lxviii] Что касается позиции самого Н.Х.Бунге, то он не отрицал финляндской автономии, однако, не одобрял ее чрезвычайно широких размеров. В своем докладе о ходе работ Особого совещания Бунге подчеркивал: «Важно то, что государственная власть в своих действиях опиралась не на юридические, филологические или иные толкования исторических актов, а на существующие практические потребности и принимала меры, клонящиеся к благу государства».^[lxix] На «благо государства», по его мнению, действовало бы объединение финляндских торговых и промышленных интересов с общероссийскими, преобразование финляндского войска, что было возможно при распространении на Финляндию общеимперского законодательства. Однако Бунге прекрасно понимал разницу в методах проведения российской политики в Финляндии и Польше. «Внутренняя политика России относительно Финляндии должна быть иная, чем в отношении Польши и собственно для того, чтобы Финляндия не сделалась другим царством Польским, страной нам враждебной».^[lxx] Он стремился решить проблему российско-финляндских отношений правовым путем, путем создания общего для империи и княжества законодательства.

Выработанный Особым совещанием законопроект 17 марта 1895 г. был передан на рассмотрение Николаю II, однако российский император считал целесообразным не затрагивать вопрос об общем для империи и Великого княжества законодательстве «без особого на то Высочайшего повеления».^[lxxi]

К вопросу о причинах наступления на финляндскую автономию

В финской историографии предпринятое имперским руководством в конце XIX – начале XX наступление на автономные привилегии Финляндии сначала характеризовалось как «угнетение» (при этом выделяли два этапа: 1899-1905 гг. – «первый период угнетения», 1908-1917 гг. – «второй период угнетения»), затем это явление предпочитали называть «русификацией», наконец, в современных исследованиях часто употребляется понятие «унификация».^[lxxii] Причины упомянутого явления считаются дискуссионными.

В первые годы царствования Николая II развитие российско-финляндских отношений шло традиционным путем. Однако консервативный национализм постепенно превращался в официальное идеологическое направление Петербурга. При этом под консервативным национализмом мы подразумеваем стремление российской правящей элиты использовать идеологию национализма в качестве средства укрепления самодержавного режима с его традиционными институтами и ценностями. Тем не менее, не следует сводить все многообразие факторов, влиявших на финляндский курс самодержавия, только лишь к консервативному национализму.

Как показали работы финского историка Э.Пихкала, а также отечественных историков И.М. Бобович, Г.Д. Корнилова и Т.М. Китаниной, с конца XIX в. Великое княжество Финляндское превратилось в один из объектов экономического соперничества Германии и России. Германия стала главным конкурентом России на финляндском рынке.^[lxxiii] Еще с начала 90-х гг. она заняла здесь

ведущее положение в импорте промышленной продукции. Постепенно Германия оттеснила Россию и в традиционно российской области экспорта - в зерновом экспорте. В 1910 г. удельный вес российских зерновых культур в хлебном импорте Финляндии составил примерно 36%, удельный вес немецких зерновых культур - 58%. [lxxiv] С 1907 г. Германия заняла первое место в общем товарообороте Финляндии. [lxxv] Германия являлась одним из крупнейших кредиторов Финляндии. Банкирский дом Ротшильда, Гамбургский банкирский дом «Галлер и сыновья», Дрезденский банк и др. активно участвовали в экономической жизни Финляндии. Задолженность финляндских акционерных банков немецким была на уровне 42% общей суммы займов за границей. [lxxvi] Усиление экономического положения Германии в Финляндии настораживало российских предпринимателей и способствовало их натиску на имперское правительство с целью предоставления отечественному капиталу режима наибольшего благоприятствования. Поскольку вытеснить германского конкурента из российской сферы влияния чисто экономическими средствами российской буржуазии не удалось, поэтому в обращении должны были вступить меры юридического и политического характера, призванные постепенно ликвидировать финляндскую автономию. [lxxvii] В данном смысле ликвидация автономии Финляндии имела целью добиться вытеснения с финского рынка иностранных конкурентов и обеспечить господствующее положение не нем российским экспортерам.

Наряду с экономическими причинами изменения финляндского курса самодержавия в обстановке усиливающихся трений с Германией большое влияние на взаимоотношения России и Финляндии начал оказывать военно-стратегический фактор - обеспечение безопасности российской столицы. В 1898 г. германский рейхстаг одобрил Программу строительства военно-морского флота. Германия начала строить свой большой военный флот непосредственно в Балтийском море, в Кильской гавани. Финляндия с ее длинными побережьями слишком ясно стала превращаться в потенциальный плацдарм для нападения. [lxxviii] Многие российские военные также полагали, что в случае германо-российского конфликта Швеция выйдет из состояния нейтралитета, вступит в войну на стороне Германии и попытается вернуть Финляндию. [lxxix] С точки зрения финских историков Т.Полвинена, О.Сейткари и Р.Роппонена, военно-стратегический фактор являлся главной причиной «второго периода угнетения». [lxxx] Безопасность Петербурга требовала интеграции Финляндии в общеимперскую систему обороны.

Следует обратить также внимание на значение фактора «финляндского примера». Российские правительственные круги опасались не столько финляндского сепаратизма, сколько влияния примера Финляндии на другие части империи, в частности на эстонское национальное движение. [lxxxi] Некоторые современники задавали вопрос: «Что если за «государством Финляндским» народятся княжества Эстонское и Ливонское, ...«гетманство» Украинское с особыми монетами, таможняами, почтами и финансами? ... В каком положении будет тогда оборона России от внешнего врага?» [lxxxii]

При этом российская и финляндская стороны вкладывали разное содержание в понятие «сепаратизм». Финляндцы не требовали расширения автономных привилегий. Они защищали то, что имели в силу, может быть, и излишней уступчивости со стороны российских властей в течение XIX в. Применяя терминологию А. Орриджа и К. Вильямса, в Финляндии в рассматриваемый период имел

место “автономистский национализм”.^[lxxxiii] Российская же сторона истолковывала это явление как стремление к выходу из состава империи. Однако отчасти сами финляндцы были виновны в возникновении того понимания сепаратизма, какое бытовало в России. Финляндский народ принадлежал к молодым и малым народам Европы со свойственным им «комплексом малой страны». Знарок финской действительности В.П. Семенов-Тян-Шанский обратил внимание на особенности финляндского мироощущения на рубеже веков, заметив, что у молодой финляндской нации инстинкт самосохранения своих традиций и культуры был доведен «до болезненных форм». «Типичным примером психологии малого народа может служить «очень легкий переход законной гордости за свои традиции и культуру в националистическое самомнение и нежелание соблюдать умеренность в отношениях с империей» ^[lxxxiv], -писал В.П. Семенов-Тян-Шанский. К примеру, русские путешественники и представители власти с недоумением знакомились с финскими учебниками и финской прессой. Излагая прошлое Финляндии, учебники истории освещали все события со шведской точки зрения, сожалея о неудачах Швеции и радуясь ее успехам. Россия же всегда была представлена в невыгодном освещении. Все успехи русских объяснялись или случаем или подкупом.^[lxxxv] В феврале 1891 г. русские подданные, кроме евреев, получили право свободно приобретать в Финляндии недвижимое имущество и владеть им. В основном они приобретали дачные участки в Выборгской губернии. Российские дачники, среди которых были и влиятельные особы, сталкивались с препятствиями, которые устраивала на их пути финляндская администрация. Финляндские газеты печатали статьи с призывом беречь свою землю как «основу национальной самобытности, не продавать ее выходцам с востока, людям чужого, пришлого народа».^[lxxxvi]

«Националистическое чванство»- как справедливо заметил финский историк Т.Полвинен,- «отнюдь не является привилегией одних только великих держав». ^[lxxxvii] В усердии доказать свое право на самоуправление, в публичных проявлениях антирусских настроений, в утверждениях о «превосходстве» своей культуры жители княжества переходили разумную грань, давая оружие против себя в руки тем имперским кругам, которых явно не устраивало особое положение Финляндии. ^[lxxxviii] Отсутствие умеренности в высказываниях лидеров финляндского национального движения, нарочитый акцент на особой финляндской государственности давали повод российским чиновникам интерпретировать естественное стремление малого народа к обособлению, желание сохранить свои особые права и привилегии как преступный сепаратизм. Не случайно, в конце XIX в. среди правящей элиты империи все яснее звучало требование «вторичного завоевания» Финляндии, включавшее в себя постепенную ликвидацию автономных привилегий княжества, а также присоединение к России Выборгской губернии.^[lxxxix]

Разработка и проведение нового курса в жизнь были связаны с именами финляндского генерал-губернатора Н.И. Бобрикова, министра стат-секретаря В.К. Плеве и военного министра А.Н. Куропаткина. Все они являлись сторонниками теории инкорпорированной провинции. При этом следует иметь в виду, что Н.И. Бобриков и другие теоретики и проводники нового курса, вероятно, не являлись фанатичными русскими националистами и искренне верили, что действуют не только во благо Российской империи, но и на благо Финляндии. В переписке между А.Н. Куропаткиным и Н.И.

Бобриковым постоянно звучало напоминание о Польше. Творцы нового курса верили в то, что жесткие мероприятия в отношении финляндской автономии «устранят в будущем пролитие русской и финской крови» и спасут, не в пример Польше, «сотни жизней».[xc] Предложения Н.И. Бобрикова находили также самую теплую поддержку у Николая II. В одном из своих писем финляндскому генерал-губернатору российский император отмечал, что «вполне согласен с вашим (Н.И.Бобрикова – И.Н.) взглядом и сожалею только, что он опоздал».[xci]

Период, получивший в истории Финляндии название «первого периода угнетения», начался с манифеста от 3 (15) февраля 1899 г., который предоставил российскому правительству без одобрения финляндского сейма издавать для княжества законы, касающиеся общегосударственных потребностей.[xcii] Этот манифест реанимировал идеи Особого Совещания Н.Х.Бунге. Его составители исходили из правильного положения о том, что финляндский сейм не должен обладать на территории Финляндии единоличным правом решать вопросы, затрагивающие интересы княжества и империи. В общегосударственных делах, которые регулируются в законодательном порядке империи, финляндскому сейму принадлежит совещательная роль; отрицательное заключение сейма не может воспрепятствовать введению закона на территории Финляндии. Однако авторам манифеста не хватало последовательности. В документе не были четко определены вопросы, которые подлежали компетенции центральных органов власти, т.е. пределы общеимперского законодательства, что, по мнению финляндцев, могло привести к чрезвычайному расширению области его применения и, в конечном счете, к упразднению местной законодательной деятельности. Финляндцев возмущал не столько сам манифест, сколько *отсутствие четких разграничений полномочий центральной и местной власти в княжестве*.[xciii]

Что касается февральского манифеста, то его применение в княжестве свелось лишь к принятию двух важных законов – закона о введении русского языка в делопроизводство в центральных учреждениях Финляндии 1900 г. и закона о воинской повинности 1901 г., согласно которому финские войска упразднились, а жителям княжества предписывалось служить в российских войсках.[xciv] Вообще сам манифест был, по-видимому, придуман для того, чтобы ввести этот важный, с точки зрения российских властей, закон. Однако при всем усердии генерал-губернатора Н.И. Бобрикова, и его не удалось реализовать на практике. Большинство новобранцев бойкотировало закон, к тому же впоследствии российские власти опасались вооружать утративших лояльность финляндцев, поэтому в качестве компенсации за освобождение населения Финляндии от воинской повинности Петербург потребовал от Гельсингфорса выплачивать так называемый «военный налог». Ежегодная сумма взноса сначала составляла 2 млн. финских марок, позднее она увеличилась до 15 млн. и в 1919 г. должна была составить 20 млн. финских марок.[xcv]

Финляндцы придавали февральскому манифесту слишком большое, чем это было на самом деле, значение, оценив его как клятвопреступление со стороны Николая II, обещавшего сохранять в целостности и неизменности привилегии княжества. Манифест вызвал в Финляндии массовое сопротивление, вылившееся в организацию демонстраций и митингов с возложением цветов у памятника Александру II в Гельсингфорсе. Особенно впечатляющей стала кампания по сбору подписей

под «всенародным адресом» императору. В десятидневный срок было собрано 522 тыс. 931 подписей и представительная делегация около 500 человек отвезла «адрес» Николаю II. Император не принял ее представителей, а на «адресе» собственноручно начертал: «Адрес оставляю без последствий. Ходатайство нахожу неуместным, т.к. Манифест 3 февраля касается общегосударственного, а не местного законодательства».[\[xcvi\]](#)

Вероятно, можно согласиться с авторами «Политической истории Финляндии», утверждающими, что только благодаря февральскому манифесту и сбору подписей под «большим адресом» широкие народные массы приобщились к учению о финляндском государстве.[\[xcvii\]](#) Как метко заметил современник тех событий Ж.Аренберг, только железные дороги и Бобриков создали единую Финляндию: железные дороги в экономическом смысле, Бобриков – в политическом.[\[xcviii\]](#)

Подведем итог, к концу XIX в. большое распространение в Финляндии получило учение об особом финляндском государстве. Рано или поздно, это учение должно было войти в противоречие с существующим среди правящей элиты России представлением о «единой и неделимой» Российской империи. Чтобы ослабить остроту проблемы, необходимо было пойти на взаимные уступки и согласования позиций, используя при этом традиционное уважение финляндцев по отношению к закону и патернализм. Но правители того времени преклонялись перед силовыми методами решения вопросов и компромиссам предпочитали ультиматумы. При этом предпринявшее наступление на финляндскую автономию российское самодержавие не обладало уже ни былой силой, ни последовательностью в проведении реформ.

[\[i\]](#) Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 90.

[\[ii\]](#) Белоглазов А.В. Федерализм в «тюрьме народов»: Великое княжество Финляндское // Федерализм: проблемы формирования. Казань, 1994. С. 43.

[\[iii\]](#) См. подр.: Рыкин В.С. Австрийский федерализм: история и современность // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 56. Указ. соч. С. 60-61.

[\[iv\]](#) См. напр.: Зарубежный федерализм: организация государственной власти в субъектах Федерации М., 1995; Васильев В.И. История германского федерализма // Новая и новейшая история. 1998. № 3; Рыкин В.С. Указ. соч. С. 56-71; Чиркин В.Е. Современный федерализм: сравнительный анализ. М., 1995.

[\[v\]](#) Ютиккала Э. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля, 1995. С. 53; Hovi K. Das Nationalitätsprinzip und die Entstehung der finnischen Selbständigkeit // Staatsgründungen und Nationalitätsprinzip. München, Wien, 1974. S. 58.

[\[vi\]](#) Ibid.

[\[vii\]](#) Ibid.

[\[viii\]](#) Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997. С. 76. См. подр.: Варламова П.А.

Россия и проблема самостоятельности Финляндии (1788-1790 гг.) // Россия и Финляндия в XVIII-XX в. Специфика границы. СПб., 1999. С. 26-35.

[ix] Суни Л.В. О месте Финляндии в военно-стратегических планах царизма в 80-е гг. XIX в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1976. С. 100.

[x] Следует заметить, что Финляндия получила статус Великого княжества еще в конце XVI века, при шведском короле Юхане III. Однако на практике это была в большинстве своем лишь красивая декларация, не подкрепленная реальным содержанием.

[xi] Корнилов В.А. К истории политического устройства Великого княжества Финляндского в 1809 г. // Ученые записки МГПИ. 1971. Т. 439. С. 176-187.

[xii] Акты, относящиеся к политическому положению Финляндии. СПб., 1903. С. 10; Корнилов В.А. Указ. соч. С. 180.

[xiii] Корнилов В.А. Указ. соч. С. 180.

[xiv] См. подр.: Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 1998. С. 22.

[xv] Там же; Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 59.

[xvi] Paasivirta J. Finland and Europe. Hels., 1988. P. 11.

[xvii] Белоглазов А.В. Указ. соч. С. 46.

[xviii] Корнилов В.А. Указ. соч. С. 184.

[xix] Там же. С. 183; Белоглазов А.В. Указ. соч. С. 46.

[xx] «План общего управления Финляндии» - Берендтс Э. Лекции по административному праву великого княжества Финляндского. СПб., 1903. Т. 2. С. 49.

[xxi] Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX- начало XXвека). М., 1997. С. 131.

[xxii] Бородкин М. Итоги столетия. Харьков, 1909. С. 10.

[xxiii] Бородкин М.М. Краткая история Финляндии. СПб., 1911. С. 136, 137.

[xxiv] Там же. С. 161.

[xxv] Каппелер А. Указ. соч. С. 77; Белоглазов А.В. Указ. соч. С. 47-48; Новикова И.Н. Указ. соч. С. 134.

[xxvi] Белоглазов А.В. Указ. соч. С. 49.

[xxvii] Цит. по:Полвинен Т. Держава и окраина. СПб., 1997. С. 24.

[xxviii] Такая трактовка федерализма встречается в энциклопедическом словаре «Австрийский лексикон». Цит по: Рыкин В.С. Указ. соч. С. 60.

[xxix] См.: Каппелер А. Указ. соч. С. 77; Novi O. Op. Cit. S. 59.

[xxx] Корнилов В.А. Указ. соч. С. 181.

[xxxi] Jussila O. Maakunnasta valtioksi. Suomen valtion synty. Porvoo-Hels.-Juva, 1987. S. 88.

[xxxii] Ibid. S. 62, 63, 88.

[xxxiii] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 146-147. Ф.Зейн И.Л. Горемыкину от 3.03.1914. «Справка о панскандинавских и панфинских стремлениях финляндцев».

[xxxiv] Там же.

[xxxv] Там же. Л. 147.

[xxxvi] Там же.

[xxxvii] Там же. Л.148. О взглядах А.И. Арвидссона см. подр: Такала И.Р. А.И. Арвидссон о положении Финляндии в составе Российской империи (рубеж 30-40-х гг. XIX в.) // Скандинавский сборник. Таллинн, 1988. Вып. 32. С. 85-91.

[xxxviii] Jussila O. Op. cit. S. 64. Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Указ. соч. С. 45.

[xxxix] Jussila O. Maakunnasta valtioksi. S.59.

[xl] Ibid. S. 60.

[xli] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 248. Записка неустановленного автора о положении Финляндии в составе России, 1890-е –1900 гг. Л. 1.

[xlii] Бородкин М.М. Указ. соч. С. 167.

[xliiii] Mecelin L. Precis du droit public de la Crand-duche de Finlande. 1886.

[xliv] Jussila O. Op. Cit. S. 137.

[xlv] Ibid.

[xlvi] Jussila O. Op. Cit. S. 141.

[xlvii] Ордин К.Ф. Конституция Финляндии в изложении местного сенатора Л.Мехелина. СПб., 1888. О взглядах Ордина на финляндскую автономию см. подр: Андронов С.И. К. Ордин о возникновении государственной автономии Финляндии // Ученые записки Петрозаводского гос. университета. Т. XVI, Вып.7. С. 95-102.

[xlviii] Цит. по: Jussila O. Op. Cit. S. 135.

[xlix] См.: Ордин К.Ф. Покорение Финляндии. СПб, 1889. Т.1-2. Бородкин М.М. История Финляндии. Т.1-7. СПб., 1905-1915.

[l] Полвинен Т. Указ. соч. С. 31.

[li] Мехелин Л. Противоречат ли права Финляндии интересам России. Гельсингфорс., 1890; Его же. К вопросу о Финляндской автономии и основных законах. Берлин, 1903; его же. Разногласия по русско-финляндским вопросам. СПб., 1908; Германсон Р. Государственное положение Финляндии. Вып. 1, 2 СПб., 1892. С. 392. Взгляды финских юристов систематизированы в : Vuolle-Ariala J. Die Entwicklung der Verfassung Finlands bis zum Regierungsantritt Nikolaus II. Heidelberg, 1912.

[lii] ГАРФ Ф. 586. Оп. 1. Д. 241. Записка неуст. автора о положении в Финляндии и ее связи с Россией. Л. 1.

[liii] Vuolle-Ariala J. Op. Cit. S. 77. Германсон Р. Указ. соч. Вып. 2 С. 392.

[liv] Сборник мнений русских профессоров государственного права о природе отношений России к Финляндии. Сос. М.Ковалевский. СПб., 1910. С. 7-24; Чичерин Б.Н. Курс Государственной науки. М., 1894. Т. 1. С 183; Т.3. М., 1898. С. 275.

[lv] Цит. по: Сборник мнений русских профессоров. С. 7.

[lvi] Там же; Чичерин Б.Н. Указ. соч. Т. 3. С. 275.

[lvii] ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 248. Записка неустановленного автора о положении Финляндии в составе России. Л. 4.; Куплеваский Н.О. Справка о мнениях 25 русских ученых, специалистов права, по вопросу о юридическом положении Финляндии в составе Русской империи. СПб., 1910. С. 6.

[lviii] Там же. С. 7-29. Алексеев А.С. Русское Государственное право. М., 1892. С. 151-154; Коркунов Н.М. Русское Государственное право. СПб., 1892. Т.1. С. 137-147.

[lix] Цит. по: Куплеваский Н.О. Указ. соч. С. 13-14.

[lx] Сборник мнений русских профессоров государственного права о природе отношений России к Финляндии. Сос. М.Ковалевский. СПб., 1910. С. 113-14; Ретвих Н.П. Русско-финляндская империя. СПб., 1898. С. 3, 8-10.

[lxi] Ретвих Н.П. Указ. соч. С. 6-7.

[lxii] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 52. Л. 19; Ф. 1361. Оп. 1. Д. 100. Л. 1-1об.

[lxiii] Расила В. Указ. соч. С. 101.

[lxiv] Материалы по финляндскому вопросу. Берлин, 1901. С. 4.

[lxv] Вопрос о кодификации законов не был чем-то новым, кодификация началась с 30-х гг. XIX в. и продолжалась с перерывами до конца века. Однако, в кодификации теперь видели уже не чисто юридическую но политическую сторону вопроса. – Тейстре У.В. Особое совещание Н. Бунге и вопрос об автономии Финляндии // Скандинавский сборник. Таллин, 1976. № 21. С, 115.

[lxvi] Там же. С. 115.

[lxvii] Там же. С. 116.

[lxviii] Там же. С. 118.

[[lxix](#)] Всеподданнейший доклад Н.Х.Бунге 11 апреля 1892 г. // Русский архив. 1913. № 7. С. 779.

[[lxx](#)] Цит. по: Тейстре У.В. Указ. соч. С. 120.

[[lxxi](#)] Материалы по финляндскому вопросу. С. 4.

[[lxxii](#)] Kaikkonen O. Aspekte zur Erforschung der deutsch-finnischen Beziehungen 1871-1914 // Zur Nordeuropa-Forschung. Greifswald, 1985. S. 43.

[[lxxiii](#)] См. подр: Pihkala E.1) Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860-1917. Hels., 1970. S.136; 2) Der baltische Handel Finnlands. 1835-1944 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1975. N 23. S. 9.

Бобович И.М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968. С. 95; Китанина Т.М. Русский хлебный экспорт и рынок Финляндии во второй половине 19-начале 20 в.// Труды советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1988. С. 79. Новикова И.Н. Указ. соч. С. 135-136.

[[lxxiv](#)] Бобович И.М. Указ. соч. С. 95; О причинах упомянутой ситуации см. подр.: Китанина Т.М. Указ соч. С. 794; Корнилов Г..Д. Указ. соч.; Pihkala E. Suomen Venajan kauppa. S. 138, 148-150.

[[lxxv](#)] Menger M. Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus. 1917-1918. Berlin, 1974. S. 19.

[[lxxvi](#)] Бобович И.М. Указ. соч. С.59, 138.

[[lxxvii](#)] Новикова И.Н. Указ. соч. С. 136.

[[lxxviii](#)] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 4. Д. 19. Л. 2-17. Доклад Генерального штаба о развертывании вооруженных сил при войне с державами Тройственного союза, 25.07.1913; Клинге М. Мир Балтики. Хельсинки, 1994. С. 135.

[[lxxix](#)] Åselius G. «The Russian Menase” to Sweden. Stockholm, 1994. P. 4.

[[lxxx](#)] Venäläisten sortokausi Suomessa. Porvoo-Hels., 1960. S. 19-23, 35; Ropponen R. Die russische Gefahr. Hels., 1976. S. 71

[[lxxxii](#)] См. отчеты губернаторов Прибалтийских губерний в конце 19-начале 20 в. – РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 129; Оп. 12. Д. 284-286; Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л.102. Записки Ф.Зейна за 1913-1914 г.

[[lxxxiii](#)] Цит. по: Каменский Н. Указ. соч. С. 62.

[[lxxxiiii](#)] Orride A., Williams C. Autonomist Nationalism: A Theoretical Framework for Spatial Variations in its Genesis and Development // Political Geography Quarterly 1. (1982). P. 24, 29,32.

[[lxxxv](#)] Семенов-Тянь-Шанский В.П. Финляндия. СПб., 1918. С. 57.

[[lxxxvi](#)] Каменский Н. Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства. СПб., 1908. С. 26-27.

[[lxxxvii](#)] РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д.499. Л.41-43. «О положении православного населения Карельского перешейка в Финляндии».

[[lxxxviii](#)] Полвинен Т. Указ. соч. С. 252.

[\[lxxxviii\]](#) Там же.

[\[lxxxix\]](#) ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 241. Л. 8-12.

[\[xc\]](#) Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 531. Л. 39. Письмо Куропаткина А.Н. Бобрикову Н.И. от 17-01. 1899; Л. 84. Письмо Куропаткина А.Н. Н.И. Бобрикову от 18.03.1899.

[\[xci\]](#) Там же. Л. 45. Куропаткин А.Н. Бобрикову Н.И. от 18.02.1899; РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 9. Л. 1. Николай II Бобрикову Н.И. от 26.03.1899.

[\[xcii\]](#) РГИА. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 2. Л. 2об. Докладная записка В.К. Плеве Николаю II от 28. 03. 1902.

[\[xciii\]](#) Там же.

[\[xciv\]](#) Заявление европейских ученых о финляндском вопросе. СПб., 1910. С. 73.

[\[xcv\]](#) РГИА. Ф. 565. Оп. 15. Д. 283. Л. 1. Письмо министра финансов П.Барка И.Л. Горемыкину от 23.08.1914 .

[\[xcvi\]](#) РГВИА. Ф. 59. Оп. 1. Д. 11. Л.2, 2об. «Краткий обзор противоправительственного движения в Финляндии с конца 1898 г.»

[\[xcvii\]](#) Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Указ. соч. С. 84.

[\[xcviii\]](#) Там же.